

УДК 94(47)

РЕПРЕССИИ 1941–1945 гг.: МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ФАКТОР ВОЕННОГО СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ

© Владимир Львович ДЬЯЧКОВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов,
Российская Федерация, кандидат исторических наук, доцент кафедры Российской истории,
e-mail: valcan@mail.ru

В статье рассматриваются политические репрессии, произошедшие на территории Тамбовской области с 22 июня 1941 г. по 31 декабря 1945 г. включительно, которые охватили лиц, осужденных по обвинениям в совершении государственных преступлений в годы Великой Отечественной войны и в месяцы завершения Второй мировой войны. Автор показывает, как методологически точно нужно выявлять невинно репрессированных и тех, кто совершил преступления, всегда карающиеся по законам военного времени: вражеских разведчиков, диверсантов, лиц, уклонявшихся от фронта и не выполнявших иные государственные обязанности, распространявших антисоветские слухи и т. п. Особое внимание уделено демографическому урону, нанесенному Тамбовской области политическими репрессиями периода 1941–1945 гг.

Ключевые слова: социальная мобильность; карательная политика государства; политические репрессии; война; демография; Тамбовская область.

Немаловажным, расширявшимся временами до основного, каналом нисходящей социальной мобильности, а также видом миграций были массовые судебные и внесудебные репрессии.

В советской истории нельзя не различать «обычные», общеуголовные судебные репрессии и т. н. «политические» репрессии. Различение это необходимо не только ради выявления объемов и долей данных двух групп граждан, которых карало государство. Главное – принципиально разные степени возврата «уголовных» и «политических» в жизнь до репрессии и в жизнь вообще в силу разного характера наказания. «Уголовник» – человек, лишь на относительно короткое время выпавший из современной ему демографической модели, а «политический» – практически всегда буквально и фигурально «мертвый», навсегда утраченный для семьи и воспроизводства населения.

Проанализируем «политические» репрессии военных лет с определением их объемов, структуры и места на шкале времени. Сделаем это не только потому, что располагаем по «политическим» репрессиям репре-

зентативной базой данных², но и потому, что они часто превышали общеуголовные по объему и, как сказано, отличались от последних социальной «нисходящей» безвозвратностью как смертельной строгостью наказаний, так и невозможностью для выжившего бывшего «политического» вернуться на прежнюю социальную ступеньку.

В нашем сравнительном анализе движение политических репрессий в нынешних границах Тамбовской области, представленных в наших базах данных, разделено на следующие естественные исторические периоды:

1) большевистские политические репрессии до 1922 г., т. е. репрессии периода Гражданской войны;

¹ Статья подготовлена при поддержке грантов «Ведомственная программа развития научного потенциала высшей школы. Проект № 2.1.3./2626»; «Государственный контракт П-358 «Партийно-политическая элита провинциальной России».

² Электронная таблица Excel: Книга Памяти Тамбовской области – подготовительные материалы. Данная база данных готовилась работниками УФСБ по Тамбовской области и сотрудниками ГАТО. В нее по преимуществу включены персоналии (всего 8 тыс.) «политических» репрессированных, живших на момент репрессии в Тамбовской области. Данная база данных не была завершена и по косвенным свидетельствам охватила лишь около 29 % всего числа «политических», репрессированных в нашем регионе в 1920-е – 1940-е гг. Тем не менее по условиям составления она явилась подлинной случайной репрезентативной выборкой, обеспечивающей полноту и точность анализа различных сторон истории «политических» репрессий в Тамбовской области.

2) политические репрессии в 1922–1934 гг. Верхним рубежом служит убийство С.М. Кирова 1 декабря 1934 г., после которого в стране был развернут «большой террор»;

3) политические репрессии с 1935 г. по 21 июня 1941 г.;

4) политические репрессии с 22 июня 1941 г. по 31 декабря 1945 г. включительно, охватившие лиц, осужденных по обвинениям в совершении государственных преступлений в годы Великой Отечественной войны и в месяцы завершения Второй мировой войны;

5) политические репрессии, осуществленные после 1945 г.

Но прежде сравнительного анализа различных характеристик наших «политических» необходимо «угвориться» по исторической правовой основе политических репрессий в РСФСР 1920–1950-х гг.

Восстановление, наличие информации об историко-юридической основе репрессий – не мелочь, за ней стоят важные и непростые методические и методологические проблемы нашей темы.

Во-первых, одно из требований обязательного для нас принципа историзма – брать явление таким, каким оно было в действительности. Для нашей темы это значит то, что мы не можем примерять принципы нынешнего права и тем более нынешнюю морально-правовую атмосферу на право сталинской эпохи и на социально-политическую и социально-психологическую ситуацию того времени. Проще говоря, преступники того времени были и считались таковыми, потому что *преступали тогдашние писанные и неписанные законы, и судились по тогдашним*, а не по нашим сегодняшним законам, разумению и чувству. Хотя все это было всего два поколения тому назад. Еще нагляднее и применительно к нашей теме – сегодня едва ли не большинство общества одобряет и обеспечивает уклонение юношей от службы в армии, нормы же действующего права в этой части практически бездействуют – но (тем более) в войну и до и после нее такой вид поведения сурово осуждался и советским законом, и обществом.

Что из этого следует, памятуя о нашей теме и предмете исследования? Какие уточнения необходимы? К исследованию в данной статье заявлены политические репрессированные в Тамбовской области в годы Ве-

ликой Отечественной войны. В нынешнем обиходе в обывательском представлении, сформированном в значительной мере в атмосфере перестроечного пересмотра истории, осуждения всей сталинской социальной политики, под «политическими» репрессированными понимаются исключительно безвинно (еще раз – по тем законам и морали) пострадавшие люди. В громадном большинстве случаев это так и было.

Но разве в войну (и прежде всего в ту войну!) не было в массовом порядке действительных преступлений, предусмотренных статьями 1-й («Преступления государственные»), 2-й («Иные преступления против порядка управления»), 9-й («Преступления воинские») глав тогдашнего УК РСФСР? В годы войны хватало и настоящих вражеских разведчиков, диверсантов, лиц, уклонявшихся от фронта и не выполнявших иные государственные обязанности, распространявших антисоветские слухи и т. п. Далеко не все из них были осуждены за действительные преступления, а некоторые из осужденных из этой категории были недавно реабилитированы и попали не только в нашу базу данных, но и на почетные скорбные страницы опубликованных мартирологов. Подобные случаи показаны, в частности, в сборнике документов «Тамбовская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.».

Другой источниковедческий аспект нашей темы находится в содержании нашего главного источника – электронной базы данных (то же относится и к первоисточнику этой и других баз данных и опубликованных списков репрессированных – к архивным справкам КГБ-ФСБ о реабилитации).

В наших источниках **мы имеем дело не со всеми репрессированными за настоящие или мнимые государственные преступления, а только с реабилитированными лицами, т. е. с теми, за репрессию которых государство «извинилось», признав, что в действиях этих лиц, в «сшитых» делах не было состава преступления как по нормам тогдашнего права, квалификациям действовавшего УК РСФСР, так и по нормам нынешнего права, а также что совсем худо для исследования, и по нынешним общественным понятиям о том времени.** В итоге действительно невинные и тогда, и на сегодня смешались в общей базе

данных о реабилитированных с виновными тогда, но с невиновными на сегодня, а также и с виновными тогда, но и с виновными и по нынешним законам.

Несколько поясняющих примеров по некоторым большим группам репрессированных в названных историко-правовых и морально-исторических сочетаниях.

Большую (третью по численности после крестьян-колхозников и квалифицированных рабочих, около 4 %) группу среди всех политических репрессированных в 1918–1950-х гг. составляют лица, работавшие в «тихоновской» православной церкви: священно-, церковнослужители и члены их семей. 99 % из их числа были репрессированы по ст. 58.10, 58.11 тогдашнего УК. «По-простому», ст. 58.10 – это «контрреволюционная, антисоветская агитация и пропаганда», ст. 58.11 – «всякого рода контрреволюционная, антисоветская организационная деятельность». Известно, что под ст. 58.10 сплошь и рядом «подверстывались» люди, рассказавшие анекдот, сболтнувшие неосторожное слово, сделавшие опечатку в имени вождя и т. п., т. е. в подобных случаях не было состава преступления и их «дела» были очевидно сфабрикованы. Но действующий священник или ктитор тогда полностью и законно подпадали со своей работой под ст. 58.10, 58.11, потому что церковная проповедь – не лекция из «Краткого курса истории ВКП(б)», а храм и церковный приход – не ячейка ВЛКСМ или советский профсоюз. Тогдашняя законность, тогдашняя юридическая база репрессии священно- и церковнослужителей была несомненной, равно как несомненна справедливость и законность их нынешней реабилитации.

Гораздо сложнее, «пестрее» выглядит картина с другой группой политических репрессированных в Тамбовской области – советскими военнослужащими.

В 1941–1945 гг. они в совокупности от рядового до старшего офицера составили самую большую группу (33 %) репрессированных за преступления, предусмотренные в основном ст. 193 с ее тридцатью одним пунктом («Преступления воинские») и большинством пунктов ст. 58 и 59 («Контрреволюционные преступления» и «Особо для Союза ССР опасные преступления против порядка управления»). В принципе, любое преступление, совершенное военнослужа-

щим в условиях огромной и отечественной войны, становилось государственным, «политическим». Дополнительная сложность исследования заключается в неравном отражении действительной численности, доли и структуры этой группы в реабилитационных материалах, а значит и в наших базах данных.

В исторической совокупности «политических» военнослужащих при всех отягчающих или оправдательных особенностях личных судеб выделяется несколько крупных групп.

Об одной из них – бывших советских военнослужащих, попавших в фашистский плен, прошедших проверку и отобранных противником для подготовки в его разведывательно-диверсионных школах с целью разрушения советского тыла – мы уже говорили.

Таких, как они, в войну были многие тысячи, десятки среди тамбовских солдат, но они не попали пока под реабилитацию и не попали пока в наши базы данных. Пока, потому что психологическая оправдательная тенденция к этому в последние годы существует.

Другая группа бесспорных воинских преступлений – различные формы уклонения от фронта, от службы в армии (дезертирство, членовредительство и т. п.). Доли этих опасных для страны явлений даже в первые, самые страшные и смертельные для нас месяцы войны были невысоки (1–2 % призыва), но громадность войны делала их массовыми.

С членовредителями в войну разговор был коротким, но часто непросто было доказать факт членовредительства, поэтому многие из них так и не были наказаны.

С дезертирами, с юридической, а главное, с психологической квалификацией дезертирства было сложнее. Но надо сказать, что даже в военных катастрофах 1941–1942 гг. власть обращала не слишком много внимания, не тратила много сил на борьбу с дезертирством. Их не слишком ловили, а пойманные в большинстве получали не самые суровые предусмотренные наказания. Наверное, не хватало сил и внимания на все. Возможно, относительно небольшой масштаб явления позволял пренебречь методичными поисками дезертиров по погребам и лесам. Конечно, пойманные дезертиры нужнее были на фронте, чем в тюрьме или с пулей в затылке. Работал, конечно, и фактор понимания поведе-

ния отдельных мобилизованных мальчишек, «отбежавших» на день-другой с призывного пункта, из «учебки» попрощаться с семьей.

В базах данных эта категория репрессированных представлена слабо, но правовая и психологическая проблема реабилитации «уклонистов» от фронта остается. Во всяком случае, недопустимо включение этих людей в современные неквалифицированно исполненные «Книги памяти», вроде тамбовского многотомника «Вернулись с Победой».

Еще одна непростая для изучения категория «политических» военнослужащих – солдаты, охваченные в первые дни и месяцы войны паникой, отчаянием, захлестнутые страхом за собственную жизнь и выразившие эти разрушительные для защиты страны чувства в письмах, дневниках, разговорах. И тогда, и сегодня этих людей можно понять, надо простить, но тогда их душевная слабость, справедливая нелюбовь к сталинскому строю оборачивалась преступным подрывом оборонных усилий страны, того же народа в борьбе со смертельным противником. Поэтому в их действиях был состав преступления, и наказание было законным и заслуженным, как бы горько это ни выглядело.

Крупнейшими социально-профессиональными группами «политических» репрессированных в годы войны были люди, занятые в непосредственном производстве – в сельском хозяйстве, в промышленности, на транспорте.

Какая-то часть из них, несомненно, была несправедливо репрессирована по ст. 58.10.

Еще меньшая доля пошла «под нож», была расстреляна по абсолютно сфальсифицированным чекистами делам о «диверсиях» в народном хозяйстве. Так, например, было с шестью несчастными поволжскими немцами – конюхами, чернорабочими в Чакинском сельскохозяйственном техникуме и совхозе, – на которых повесили не имевшее места отравление тысяч голов скота. Настоящей же причиной убийства этих полуграмотных пожилых крестьян стала их национальность. Так было и с расстрелянным осенью 1942 г. Валентином Трифионовичем Качоровским, старшим инженером Тамбовоблпроектгорода, чья настоящая «вина» перед государством заключалась в том, что он был родным братом видного эсера, убитого в Соловках еще в 1921 г., хотя еще одного брата Бориса власть

не только не трогала, но даже награждала, т. к. он был «нужным», высококлассным врачом. Возможно, Валентину припомнили и еще одного брата – Аркадия, одного из лидеров Тамбовского восстания 17–19 июня 1918 г. (Кстати, о «нужных» власти врачах: врачебная гениальность нашего знаменитого В.Ф. Войно-Ясенецкого не только берегла его от расстрела, но обеспечила награждение Сталинской премией, хотя ярый «тихоновец» и бесстрашный в своих прямо антисоветских поступках веры архиепископ Лука ничего за них, кроме «высшей меры социальной защиты», по тогдашнему УК не заслуживал. После нескольких ссылок, предшествовавших тамбовскому периоду, местные власти после войны лишь вытеснили состарившегося великого врача и «вредного» пастыря из благодатной в церковном отношении области в Крым с населением, сменным в конце войны на атеистическую советскую молодежь.)

Но основная часть репрессированных, занятых на момент репрессии в непосредственном производстве и на транспорте, «прошла» по ст. 58.7 и 59.3в тогдашнего УК РСФСР. В обиходе преступления, квалифицировавшиеся этими и сходными статьями, назывались «вредительством». Это было весьма широкое и растяжимое понятие. Под него, а значит и под «политическую» статью УК, можно было подверстать работника по оговору за не зависевшую от работника поломку техники, аварию на транспорте, за форсмажорные обстоятельства (да еще в войну!) в сельском хозяйстве, на железной дороге, на заводе. Но очень часто та же техника портилась из-за низкой квалификации работника, а та же авария на заводе случалась из-за халатности, преступной небрежности. Так, например, это было в случае с Волковским спиртзаводом, который сгорел зимой 1941 г. по вине его вечно пьяных работников.

Нельзя отрицать, что в войну были случаи и намеренного вредительства, и откровенной «антисоветчины» (как в случае с уваровским подростком В. Гузановым, «загрязненным» на 7 лет ИТЛ и 3 года ссылки за антисоветские вирши). Попали в нашу базу данных по «политическим» и отдельные «обыкновенные» уголовники (как в случае с отцом известного тамбовского коллекционера Н.А. Никифорова, получившим в войну

3 года лагерей за воровство в должности завхоза горсада). Все было и бывало в огромную войну, но наша проблема предмета исследования в том, что теперь эти разные люди-судьбы находятся в одних списках реабилитированных «политических» репрессированных. А эти списки как массовый источник по важнейшей стороне карательной политики государства весьма информативны для исследования социально-демографического синергизма войны.

Итак, начнем со сравнительных **социально-политических характеристик** политических репрессий в Тамбовской области в годы Великой Отечественной войны.

Среди всех десятков тысяч «незаконно репрессированных» в Тамбовской области в 1918–1953 гг., каждый десятый репрессирован в период с 22 июня 1941 г. по 31 декабря 1945 г. (рис. 1).

По интенсивности незаконные политические репрессии периода войны находятся на 2-м месте после репрессий периода 1935 – 21 июня 1941 гг., но по годовой «плотности» репрессии военных лет в четыре раза ниже «плотности» репрессий в годы «большой чистки».

Две трети всех репрессированных за время войны приходится на ее первые полтора года. Промежуточные пики числа репрес-

сий и жестокости приговоров (доли расстрелов) объяснимо приходится на месяцы тяжелых поражений СССР с их подъемами страха власти и угнетения общественных настроений перед возможным общим крахом – июль и октябрь–декабрь 1941 г., июнь и сентябрь 1942 г.

Число «политических» репрессированных во время войны в Тамбовской области можно оценить в 2–3 тыс. человек (800 человек в нашей базе данных из 8000 персональных, учитывая, что в этой базе данных представлено менее трети всех «политических» репрессированных в регионе в 1918–1953 гг.). В большинстве они – молодые, плодотворные люди, а значит, их изъятие из демографического тела региона оказывалось заметным фактором в его синергетическом военном искажении.

Доля расстрелянных и умерших во время следствия среди этих тысяч людей составляет около 6 % – в 4–6 раз меньше, чем в Гражданскую войну и в годы «большого террора». Доля лиц с приговорами к лишению свободы на срок 8, 10 лет и более составила более двух третей – высшая доля больших сроков по всем периодам репрессий. После июля 1943 г. расстрелов в качестве приговоров не отмечено, что говорит об относительном понимании властью морально-политической

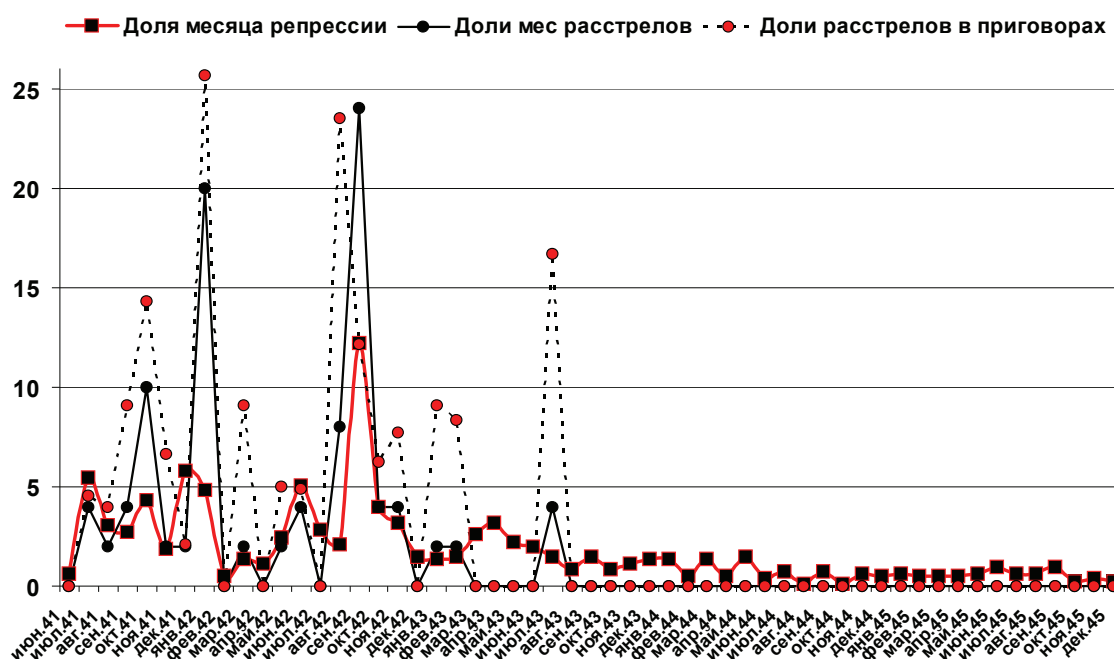

Рис. 1. Помесячная динамика политических репрессий в Тамбовской области в годы Великой Отечественной войны

Таблица 1

Структура приговоров, вынесенных лицам, обвиненным в совершении государственных преступлений в Тамбовской области, абсолютные данные с учетом повторных осуждений (абс.)

Характер репрессии или исхода ареста	Репрессии до 1922 г.	1922–1934 гг.	1935–1941 г. до ВОВ	ВОВ	1946 г. и после	Всего
Расстрел	23	75	1895	48	–	2041
Условный расстрел	14	48	–	–	–	62
25 лет лишения свободы	–	–	3	3	24	30
15 лет	–	–	16	2	3	21
10 лет	–	225	1586	365	114	2290
7–9 лет	–	9	743	173	30	955
4–6 лет	1	468	325	111	26	931
1–3 года	14	497	120	15	2	648
Менее 1 года	3	2	–	–	–	5
Лишение свободы и высылка	31	1	–	–	1	33
Высылка	6	457	25	13	26	527
Принудительные работы без лишения свободы	4	14	–	–	–	18
Лагерь на время Гражданской войны	2	–	–	6	–	8
Условное осуждение к лишению свободы	8	239	–	5	–	252
Принудительное лечение	–	–	1	2	12	15
Оправдание по суду	–	16	132	81	2	231
Освобождение с зачетом предварительного заключения	–	40	7	2	2	51
Смерть во время следствия	–	1	12	3	–	16
Лишение права проживания в ряде мест	–	37	12	–	–	49
Всего	106	2129	4877	829	242	8183

вредности кары «своих» смертью на победном этапе отечественной войны со смертельным внешним врагом.

Условного осуждения, в отличие от достаточно широкого применения его в репрессиях 1918–1934 гг., в войну практически не было – 0,6 % приговоров (табл. 1).

География мест рождения и жительства репрессированных тамбовских сельчан говорит о том, что власть продолжала «зачищать» бывшие активные «антоновские» районы, перенося подозрения и репрессии с уже «обработанного» эпицентра восстания (Ржаксинский, Сампурский, Кирсановский районы) на районы, его окружавшие (Бондарский, Пичаевский, Гавриловский, Уметский, Инжавинский, Мучкапский, Уваровский, Жердевский, Токаревский, Знаменский, Тамбовский).

Состав «иногородних» репрессированных в Тамбовской области в годы Великой Отечественной войны адекватно отразил довоенную иммиграцию и регионы «исхода» эвакуированных и беженцев в годы войны (табл. 2).

Типичен для войны и **национальный «расклад»** репрессированных: после русского большинства в их числе по нисходящей

лидируют поволжские немцы, украинцы, евреи, белорусы, поляки, чехи, латыши, литовцы, эстонцы, молдаване, т. е. все те, кого тогдашние власть и общество считали «пятой колонной» врага (табл. 3).

Тем не менее характер войны, состояние общества и очевидная необоснованность большинства обвинений по «политическим» статьям тогдашнего УК РСФСР привели к тому, что дела по политическим репрессиям военных лет получили исключительно большую долю (10 %) оправдательных приговоров, прекращения дел и освобождений обвиняемых с зачетом заключения во время предварительного следствия. Для сравнения, в наиболее «мягких» по репрессиям 1922–1934 гг. и 1946–1953 гг. эти «счастливые» доли составляют соответственно 2,8 % и 1,6 %.

Сравнительную социально-профессиональную структуру корпуса политических репрессированных в Тамбовской области представим в табл. 4.

В социально-профессиональной структуре репрессированных присутствуют представители всех тогдашних родов занятий и уровней образования в возрасте от 15 до 70 лет на момент репрессии.

Таблица 2

Регионы рождения репрессированных в годы войны в Тамбовской области
(не тамбовские уроженцы, абс. значения, границы 1974 г.)

Регион	Число
Эстония	2
Латвия	3
Литва	1
Белоруссия	13
Украина	14
Молдавия	9
Узбекистан	1
Республики СССР всего	43
Польша	6
Германия	1
Сербия	1
Хорватия	1
Чехия	1
Китай	2
США	1
«Дальнее зарубежье» всего	13
Мордовия	1
Н. Новгород	2
Самара	1
Пенза	6
Саратов	27
Чувашия	1
Поволжье всего	38
Псков	2
СПб-Ленинград	7
Вологда	1
Вятка	2
Башкирия	1
Северо-Запад, Север и Урал всего	13
Кубань	2
Брянск	3
Владимир	1
Иваново	1
Калуга	3
Москва	2
Рязань	7
Смоленск	5
Тверь	2
Тула	2
Ярославль	2
ЦПР всего	28
Белгород	3
Воронеж	8
Курск	3
Липецк	10
Орел	1
ЦЧР всего	25
Алтай	1
Красноярск	1
Иркутск	1
Забайкалье	1
Приморье	1
Сибирь и Дальний Восток	5
Всего	167

Таблица 3

Национальный состав репрессированных по периодам репрессий, (абс.)

Национальность	Репрессии до 1922 г.	1922–1934 гг.	1935–1941 гг. до ВОВ	ВОВ	1946 г. и после	Всего
Русские	99	2029	4361	754	229	7472
Украинцы	–	5	156	17	5	183
Белорусы	1	1	87	7	1	97
Поляки	2	–	59	3	–	64
Чехи	–	–	8	2	–	10
Латыши	–	–	12	2	–	14
Литовцы	–	–	4	1	–	5
Эстонцы	–	–	3	1	–	4
Евреи	1	2	73	14	2	92
Немцы	3	2	58	21	2	86
Молдаване (румыны)	–	–	4	1	–	5
Татары	–	–	4	–	–	4
Башкиры	–	–	–	1	–	1
Австрийцы	–	–	6	–	–	6
Армяне	–	–	5	–	–	5
Китайцы	–	–	3	–	–	3
Корейцы	–	–	2	–	–	2
Шведы	–	–	1	–	–	1
Болгары	–	–	3	–	–	3
Венгры	–	–	3	–	–	3
Дагестанцы	–	–	1	–	–	1
Буряты	–	–	2	–	–	2
Азербайджанцы	–	–	2	–	–	2
Ассирийцы	–	–	2	–	–	2
Всего	106	2039	4859	824	239	8067
Доля нерусских	6,604	0,4904	10,25	8,5	4,18	
Доля женщин в русских	5,051	6,5057	5,046	11,9	14	
Доля женщин в нерусских	0	10	8,233	14,3	10	

Три крупнейших группы записанных во время войны во «враги народа» сложились из а) военнослужащих, прежде всего рядовых и сержантов РККА; б) колхозников с явно понижающим трендом их доли и в) промышленных рабочих, увеличивших свою долю среди репрессированных вслед за военным ростом их доли в населении (табл. 5).

Сравнительные социально-демографические характеристики политических репрессий в Тамбовской области в годы Великой Отечественной войны выглядели так (табл. 6).

«Женская доля» среди незаконно репрессированных в годы войны выросла с довоенных 4–7 до 12 %, отразив кратный рост доли женщин среди трудящихся с соответствующим ростом риска попасть под репрессии.

Средний возраст «политических» репрессированных в годы ВОВ составил 40,5 года. Своему заметному «омоложению» они обязаны главной группе военнослужащих, родившихся в первой четверти XX в., и были бы еще моложе, если бы не вторая по величине группа «несоветской пожилой публики» 1880-х гг. рождения (рис. 2).

Главный демографический урон, нанесенный политическими репрессиями вообще, а репрессиями периода ВОВ в особенности, – разрушенные и несостоявшиеся семьи, рост доли безбрачия плодовитых женщин и числа нерожденных детей. Репрессии войны в ее губительном демографическом синергизме не дали родиться в Тамбовской области как минимум 4-м – 6-ти тысячам детей, а это более четверти всех детей, родившихся в регионе за 1943 или 1944 г.

Таблица 4

Распределение репрессированных по социально-профессиональным группам
и периодам репрессий (% , авторская классификация*)

Род занятий	До 1922 г.	1922–1934 гг.	1935–1941 гг.	ВОВ	1946 г. и после	Всего
НСХ, ВО	0,93	0,15	3,04	2,5516	3,32	2,24
СХ, ВО	0	0,05	0,446	0,3645	0	0,32
НСХ, НВО и ССО	2,8	9,1	10,74	7,7764	4,979	9,75
СХ, НВО и ССО	0	0,29	0,446	0,486	0,83	0,42
НСХ, СО	9,35	0,1	1,54	2,0656	1,66	1,34
СХ, СО	0	0	0	0	0	0
НСХ, НСО	12,1	1,65	4,296	3,1592	5,809	3,66
СХ, НСО	0	0	0	0	0	0
НСХ, НО	6,54	7	10,92	13,244	14,11	10,2
СХ, НО	0	1,51	2,715	3,2807	1,66	2,4
НСХ, БО	5,61	4,13	11,79	9,356	11,2	9,52
НСХ, ДМХ БО	2,8	1,36	3,627	6,0753	17,43	3,7
СХ, БО	0	5,4	22,94	11,3	10,79	16,7
СХ, ДМХ БО	57	68	22,23	4,4957	15,77	32,2
УчВУЗ	0	0	0,142	0,3645	0,415	0,13
ССУЗ, СШ, РУ	1,87	0,34	0,527	1,0936	0,415	0,55
ВРС	0	0,34	0,77	23,451	5,394	3,08
ВСС	0	0,15	0,243	5,1033	0,83	0,72
ВМлОф	0	0,1	1,094	3,1592	3,32	1,1
ВСтОф	0	0,05	0,507	1,8226	0,415	0,51
ГенВСл	0	0	0,041	0	0	0,02
ПСР низ зв	0	0,24	0,507	0	0	0,37
ПСР ср зв	0,93	0,05	0,648	0	0	0,42
ПСР выс зв	0	0	0	0	0	0
Чин низ зв	0	0	0,527	0,3645	0,415	0,37
Чин ср зв	0	0	0,081	0,3645	0	0,09
Чин выс зв	0	0	0	0	0	0
Своб проф	0	0	0,182	0,1215	1,245	0,16
Всего	100	100	100	100	100	100

* Расшифровка аббревиатур названий групп родов занятий-профессий: НСХ – несельскохозяйственные роды занятий; СХ – сельскохозяйственные профессии; ДМХ – неработающие домохозяйки; Уч ВУЗ, ССУЗ, СШ, РУ – учащиеся соответственно высших, средних специальных учебных заведений, средних школ и ремесленных училищ, школ ФЗО; ВРС, ВСС, ВМлОф, ВСтОф, ГенВСл – военнослужащие РККА соответственно рядового, сержантского, младшего, старшего офицерского составов, генералы; ПСР – партийно-советские работники в трех уровнях-звеньях; Чин – остальные госслужащие в трех звеньях; Своб проф – лица «свободных», художественных профессий; ВО, НВО, ССО, СО, НСО, НО – уровни образования, объективно требуемые родами занятий-профессий, соответственно высшее, неполное высшее, среднее специальное, среднее, неполное среднее, начальное; БО – род занятий, не требующий образования.

Таблица 5

Сравнительная партийная структура политических репрессированных (абс.)

Партийность бывшая и настоящая	Репрессии до 1922 г.	1922–1934 гг.	1935–1941 гг. до ВОВ	ВОВ	1946 г. и после	Всего
Член и канд. ВКП(б)	1	12	431	49	18	511
Комсомол	1	1	32	31	4	69
КП США, Польши, Румынии, Чехословакии			4	1		5
Меньшевики	2	1	9			12
Новожиженцы			1			1
Эсеры	2	1	11			14
Левые эсеры			2			2
Союз сионистской молодежи				1		1
Бунд			1			1
Соц. партия США			1			1
Союз Михаила Архангела			1			1
Всего	6	15	493	82	22	618
Доли в числе репрессированных периода	5,56	0,74	10,15	9,82	8,49	7,63

Таблица 6

Распределение репрессированных по полу, доли/абс. значения

Пол	Репрессии до 1922 г.	1922–1934 гг.	1935–1941 гг. до ВОВ	ВОВ	1946 г. и после	Всего
Мужчин	95,3/101	93,5/1906	94,6/4598	87,7/722	64,7/156	92,7/7483
Женщин	4,7/5	6,5/133	5,4/261	12,3/101	35,3/85	7,3/585
Всего	100/106	100/2039	100/4859	100/823	100/241	100/8068

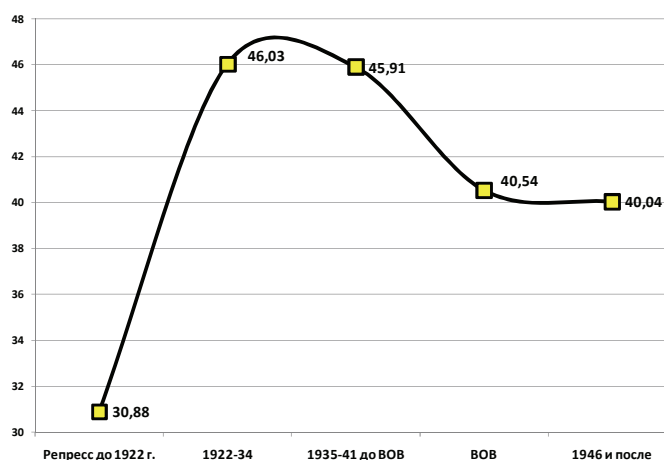

Рис. 2. Движение среднего возраста репрессированных по периодам репрессий

Поступила в редакцию 8.07.2011 г.

UDC 94(47)

REPRESSIONS OF 1941–1945: METHODOLOGY OF STUDY AND MILITARY FACTOR OF SOCIO-DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF TAMBOV REGION

Vladimir Lvovich DYACHKOV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of History, Associate Professor of Russian History Department, e-mail: valcan@mail.ru

The article describes the political repressions that took place on the territory of Tambov region from June, 22 of 1941 till December, 31 of 1945, which included people accused of state crimes during Great Patriotic war and at the end of WWII. The author shows how methodologically concrete the innocent accused and crime committed should be revealed; punished by war time laws: enemy spies, diversionists, people declining war and state responsibilities, spreading anti-soviet rumors etc. The special attention is given to demographic damage of Tambov region by political repressions during 1941–1945.

Key words: social mobility; state sentencing policy; political repression; war; demographics; Tambov region.